

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ НАРРАТИВА О ШИРОКЛАГЕ*

Гучинова Эльза-Баир Мацаковна¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: bairjan@mail.ru

Аннотация. Память об исторических событиях XX в. становится существенным элементом формирования национальной истории современных сообществ. Памятуемое нередко формирует социальное воображаемое. В конструировании прошлого калмыков немало славных (победных), но и немало трагических страниц, вошедших в большой нарратив, в котором одни страницы описаны подробно, а другие — пунктиром. Одним из последних во времени травма-пунктов памяти для калмыков стал Широлаг.

Именно в Широклаге, лагере принудительного труда, калмыцкие солдаты и сержанты приобрели длительный опыт унижения незаслуженным обвинением со стороны государства и экстремальный опыт выживания, отличный от фронтового. Здесь содержались люди, которые не были преступниками, и имели одну вину перед советским государством — этничность — они были калмыками. В январе–марте 1944 г. калмыки были отозваны из рядов Красной армии, причем большая часть — из боевых частей. Еще недавно эти красноармейцы рисковали жизнями и были готовы погибнуть за Родину и за Сталина, а после приказа от 10 января 1944 г. оказались собраны в Широклаге, в котором им приходилось работать по 16 часов, но при питании впроголодь. Когда человек оказывался на грани смерти от истощения и непосильного труда, его отпускали домой.

Ключевые слова: депортация калмыков, репрессии, социальная память, Широлаг, тотальный институт, язык травмы, текстологический анализ.

Эта статья основана на выступлении на конференции «Воины Великой Отечественной: калмыки-узники Широклага в памяти народа» и посвящена тому, что помнят и как рассказывают широклаговцы о своем опыте пребывания в нем. Удивительно, что, несмотря на возможности обсуждения ранее запретных тем, эта конференция оказалась первой, специально посвященной истории калмыков–широклаговцев. Зна-

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

чит, что-то важное еще осталось непроговоренным, если в отсутствие официальных запретов публичное обсуждение этой истории оказалось возможным только в 2019 г. Значит, эта история недостаточно отражена в большом нарративе и занимает нишу лишь в социальной памяти двух–трех поколений, генеалогически причастных к воинам Широкалга. Однако в Широкалге были заключены не просто 3,5 тысячи красноармейцев, а были отцы и деды наших современников, среди которых имена, составившие славу калмыцкой культуры 1960–1970-х гг.: художник Г.О. Рокчинский, танцор Б.Д-Г. Эрдниев, писатель А.Б. Бадмаев, журналист Я.С. Джамбинов, историк М.П. Иванов.

Возможно, что недостаточное присутствие темы Широкалга в общественном дискурсе связано с отсутствием адекватного языка описания. Советская культура и идеология рассказывали о событиях Великой Отечественной войны таким языком, который был призван маркировать лишь стороны повседневности, пригодные для героического нарратива об успехах и достижениях, но оставлявший за рамками травматический опыт [Воронина 2018: 8]. Поэтому старый язык описания не мог отразить ситуацию массового унижения, а новый язык описания Широкалга создать было не просто.

Известно, что память человека подвижна и каждый новый рассказ — это новая редакция личной истории. Она обновляется каждый раз при каждом повествовании. Это зависит от контекста, в котором рождается повествование: то ли это встреча со школьниками, то ли — с однополчанами, то ли — с исследователями, записывающими рассказ на камеру, поскольку рассказчик всегда ориентируется на ближайшую социальную рамку.

В данной статье использованы видео-интервью, сделанные совместно с Т.И. Шараевой в марте 2019 г. (с Надбитом Убушаевичем Убушиевым, Анатолием Борисовичем Тепшиновым и Иваном Менжуевичем Соваевым); сохранившиеся записи телевизионных передач, в которых ширококалговцы отвечают на вопросы журналистов И. Долгиной и В. Хаптаханова; записанные в 1991–1993 гг. Р.В. Неяченко и С.Э. Лиджи-Горяевой рассказы ширококалговцев; опубликованные П.О. Годаевым воспоминания ширококалговцев. Это разные виды источников: письменный текст контролируется составителем-редактором, который напишет, перечитает, отредактирует, уточнит. Зато спонтанный устный рассказ свободнее, показывает порой неартикулируемое отношение, эмоции, неожиданные сюжеты, в общем, работу сознания и подсознания.

Широкалга, как и любой лагерь (а также тюрьма, клиника для душевнобольных), был, по определению Э. Гоффмана, тотальным институтом, в который представлял собой *«места проживания и работы, где значительное число находящихся в одинаковой ситуации людей, отрезанных от более широкой общности на ощутимый период времени, сооб-*

ща следуют закрытому, формально администрируемому циклу жизни» [Goffman 1978: 10]. Попадающий в тотальное учреждение сталкивается с процессом деградации, цель которого унижить человека и сломать в нем личность, превратив в покорное биосущество. Новичков раздевают и подвергают унижительному осмотру, после чего им выдают униформу для обозначения нового статуса [Гучинова 2016: 15]. У широклаговцев была такая одежда: белые штаны и куртка с большими черными буквами ЗК (зэка) на спине. Вместо личного имени широклаговец имел номер и, если погибал, то к ноге привязывали бирку не с именем, а с номером. Нахождение в таком тотальном институте, одна из целей которого — деперсонализация заключенного и его максимальная эксплуатация, а также холод, голод и тяжелая работа, и, наконец, необоснованное обвинение, по которому принадлежность к народу становилась преступлением, делали нахождение в Широклаге растянувшейся на 12–15 месяцев пыткой.

Как определил М. Фуко, механика власти определяет, как можно подчинять себе тела других, чтобы заставить их действовать определенным образом, с применением определенных техник, с необходимой быстротой и эффективностью [Фуко 1999: 201]. В тотальном институте практически нет возможности выразить свое (отличное от большинства) мнение, проявить свой (отличный от большинства) вкус. В нем было тяжелее, чем в воюющей армии — институте с жесткой дисциплиной, но не тотальном. Погибнуть на передовой красноармейцу было легко (на войне как на войне), но на фронте не было морального угнетения из-за несправедливого унижения, там ты был на равных с другими: тебя уважали или не уважали только из-за личных качеств.

Известно, что тоталитарный опыт насилия не позволяет выразить его дискурсивно, и языком репрезентации становится язык травмы. Рассказы о болезненном прошлом различаются в зависимости от многих факторов: пола и возраста рассказчика, историко-культурного и политического контекста, от обстоятельств повествования и проч. Но в текстах травмированной памяти можно увидеть общие черты. Ощущение репрессированности выливалось в слова и сюжеты, создававшие язык травмы, в грамматические конструкции, отражавшие потерю субъектности — потерю самостоятельности, права распоряжаться и быть хозяином своей судьбы. В этой статье я остановлюсь на некоторых особенностях памяти и текста о Широклаге, на той специфике дискурсивных стратегий рассказчиков, которая отражает язык травмы в памяти об этом лагерном опыте.

В первую очередь мы видим, как трудно начинают свое повествование о Широклаге его узники. Они долго не начинали рассказ, не могли говорить, молчали, иногда плакали. А когда все-таки стали рассказывать, оказалось, что с большим трудом находится язык повествования:

«Невозможно выразить словами... Было такое время, когда мы стеснялись говорить о том, что были в Широκлаге. Только вот сейчас об этом стали открыто говорить» (Э. Абушинов) [Широкстрой 1994: 13]. Они начинают говорить по-русски, переходят на калмыцкий язык. Начинают рассказывать по-калмыцки, используют много непереводимой военной и политической лексики русского языка, часто повторяют некоторые сюжеты или темы. Но непросто было и тем, кто не рассказывал, а писал: *«чертовски трудно писать о тех временах, пережитых годах»* (Ц.Х. Бамбышев) [Широкстрой 1994: 32]. М.Я. Пюрвенов так и назвал свое повествование в беседе с Р.В. Неяченко *«О Широκлаге я рассказываю впервые»* [Широкстрой 1994: Оглавление].

С фронта в лагерь. В нарративах широкоκлаговцев обязательным сюжетом является получение известия о формировании калмыцкой части и дорога в Широκлаг. Неопределенности весной 1944 г. волновали каждого солдата. Вот что рассказывал об этом Н.О. Босхомджиев:

«Нас сняли с фронта в январе. Нас человек пять пригласили.

Спрашивают:

— Вы кто по национальности?

— Калмык.

— Есть приказ всех калмыков собрать в запасной полк.

Уже был март 44 г. Где-то в районе Мелитополя нас всех переодели, дали все новое обмундирование. Дали валенки, теплое белье — уже весна, зачем валенки? — Пригодятся, берите. Ну мы взяли. А когда приехали в Мелитополь, там очень много калмыков собралось — человек 600 солдат рядового и сержантского состава. Меня старшиной роты назначили. Привезли в Сталинград, нас поставили в тупик. Наши пошли на базар.

— Вы кто будете?

— Калмыки.

— Да вы изменники родины. Вас всех выслали, никого не оставили.

Они вызвали людей из комендатуры и нас отвезли к эшелону» (Н.О. Босхомджиев) [Страницы печали 2000].

Какотреагировали на такое отношение калмыки-красноармейцы? Шел 1944 г., люди давно привыкли не обсуждать вслух политические вопросы.

«Лишь на узловой станции и в Кунгуре, куда съехалось все широкоκлаговское руководство для приема дармовой рабочей силы, и где мы встретились со своими земляками, мы окончательно убедились в том, что дорожные разговоры о формировании калмыцких национальных воинских частей для подготовки их к повторной отправке на фронт не имеют под собой никаких оснований. Нам были заранее

уготованы более тяжкие испытания, о которых мы и не догадывались. Вместо демобилизации нас на 1,5 года превратили в трудармейцев ГУЛАГа» (М.П. Иванов) [Широкстрой 1994: 153].

«В то время люди не рассуждали о том, что правильно, а что нет. Любой приказ выполняли как должное» (Б.М. Добжинов) [Широкстрой 1994: 61].

«Обсуждать: за что — не нашего ума это дел» [ПМА: А.Б. Тепшинов].

«Ты же не знаешь, кто мы: армия ли, пленные ли...» [ПМА: И.М. Соваев].

Встречали на станции Половинка с духовым оркестром.

«Мы себя почувствовали участниками праздничного действия. Нам дали концерт, и мы приняли в нем участие» (У.О. Даваев) [Страницы печали 2000].

Такая постановочная торжественная встреча будущих узников кажется абсурдной. Если применить к этой ситуации идеи Ги Дебора [Дебор 1999] о спектакле, которым полна жизнь общества, то перед нами откровенный спектакль, призванный дезориентировать будущих узников. Видимо, тысячи прибывших с фронта солдат, пусть и безоружных, представляли силу для конвоиров, и было предусмотрительным нейтрализовать их торжественным приемом, поскольку, если бы они сопротивлялись или разбегались, хлопот с прибывшим контингентом было бы существенно больше. Примерно также встречали ингерманландцев в 1944 г., добровольно приехавших в СССР.

Подобная игра в имитацию, в нормализацию неправового дела проявлялась и в сохранении «военного порядка», и в симулякрах деятельности лагерных партийной и комсомольской организации.

«В Половинке создавались такие же подразделения, как в армии, батальоны, роты, взводы и т.д. Я попал в первый батальон, во взвод С.М. Бамбышева. Он очень хорошо к нам относился. Этот взвод создавался как молодежный. Секретарем комсомольской организации был Болдырев Дандыш Мултыкович» (Д.Д. Бадугинов) [Широкстрой 1994: 28].

«Пришел в барак, и там увидел Пюрвю Джалхаева — живой скелет, под ребрами у которого лихорадочно билось сердце. Ослабевшим голосом он сказал мне: «Иди, сдай за меня партвзносы.» А через три дня его не стало» (А.Б. Бадмаев) [Широкстрой 1994: 25].

«Истощенные, измученные люди не выполняли установленные планы и задания. Осенью руководство стройки выступило с большевистским призывом: «Коммунисты и комсомольцы! Вы зачислены в отдельную ударную бригаду, будете работать в ночную смену».

В общем, как на фронте: «Коммунисты, вперед!». За все время пребывания на Широκстрой ни одного собрания коммунистов не было, но членские взносы кто-то ходил и собирал после работы» (Ц.Х. Бамбышев) [Широκстрой 1994: 32]

«Была в Широκлаге комсомольская организация, секретарем которой был Гая Олегович Рокчинский. Собирали комсомольские взносы» (Б.Д.-Г. Бабаев) [Широκстрой 1994: 20].

Конечно, опытным бойцам, героям войны было горько находиться в унижительном статусе ни заключенного, ни военнопленного, не имея перед государством никакой личной вины. У широκлаговцев возникало состояние дезинтеграции идентичности, в котором заключенный должен верить и государству, и себе и своим землякам, при этом понимая бессмысленность двух противоречащих друг другу моделей жизни, должен их принять, особенно, если он хочет придать смысл своему существованию как заключенного и как будущего свободного человека [Лё Кэн 2009: 234]. Именно поэтому, как рассказала на конференции дочь Гарри Рокчинского С.Г. Батырева, будущий народный художник России рисовал своих земляков в военной форме, чтобы зафиксировать достойный образ фронтовика, а не унижительный образ заключенного.

Кроме чудовищных условий лагерного существования катастрофой была утрата привычных социальных ориентиров [Воронина 2018: 12].

«Нет, мы не были заключенными в прямом смысле слова, но и военнoслужажими тоже не были. И подчинялись мы теперь не Наркомату обороны и боевым офицерам-фронтовикам, а НКВД и его начальникам, которых мы — про себя, разумеется — именовали не иначе как «тыловые крысы». И хотя среди них были очень разные люди, как, впрочем, и в армии и даже на фронте, но нам-то от этого было не легче, угнетал и давил сам статус, не говоря уже о каторжной работе, скудном питании, туберкулезном жилье в земляных бараках и прочих «мелочах»» (Т. Лиджи-Горяев) [Мы — из высланных навечно 2003: 149].

Если судьба рядовых и сержантов в целом была решена, то в вопросе об офицерах власти некоторое время колебались. Офицеры также добивались возвращения на фронт, где их могли убить, но не унижали и, конечно, не обвиняли в предательстве.

«В Павловских лагерях под Оренбургом калмыков было много, офицеры задумали письмо написать, что мы, калмыки, хотим снова идти на фронт. Им пришел ответ от Булганина, он разрешил калмыкам-офицерам вернуться на фронт. Многие вернулись» [ПМА: Л.Т. Дорджиев].

Примерно так же поступили депортированные американцы японского происхождения, которых после атаки на Пёрл-Харбор насильно эвакуировали до конца войны с западного побережья в лагерь в пустынной местности из-за их этнических корней. Многие американцы японского происхождения, рожденные в США (граждане во втором поколении), пошли в армию и сформировали личный состав 442-го пехотного полка. Свою лояльность Америке они подтверждали героизмом и высокой смертностью в боях [Takezawa 1995: 31].

Другая часть отозванных с фронта офицеров-калмыков была отправлена к месту высылки их семей. Многим из них после окончания войны было разрешено выбрать место поселения и тогда многие выбирали Среднюю Азию или Казахстан, где было теплее, и титульное население было восточного облика.

Рядовых и сержантов из Широκлага отпускали только тогда, когда у них иссякали последние силы и использовать их на строительстве было уже невозможно. Практически все красноармейцы, прибывшие на станцию Половинка в марте 1944 г., как правило, покинули лагерь летом 1945 г. Совсем неработоспособных отпускали раньше. Как вспоминал У.О. Даваев, оказавшийся в Широκлаге в апреле 1944 г., он был отпущен только в марте 1945 г. несмотря на инвалидность и мокнущее ранение [Страницы печали 2000].

Здесь широκлаговцам приходили на помощь смекалка и смелость как составные части военной маскулинности. Так, беспартийный красноармеец Гаря Бериков прибыл в Широκлаг 26 марта 1945 г., а уже через неделю (2 апреля) он был демобилизован и убыл к семье, в колхоз им. Чапаева Барабинского района Новосибирской области. Как могло случиться, что лагерный опыт ограничился одной неделей? Он был награжден орденами и медалями и попал в Широκлаг с фронта. *«Один свой орден он отдал коменданту лагеря вместе с орденской книжкой за изменение режима, то есть, чтобы его отпустили к семье на поселение. Мало этого, в лагере встретил своих земляков из Чилгира. А поскольку он дошёл до Германии, то имел трофеи — шесть швейцарских часов, на которые обменял шестерых земляков и забрал с собой из Широκлага»* [ПМА: Ч.Н. Бериков].

Обманул судьбу и Т. Амуков. В конце января 1944 г. он получил тяжелое ранение и лечился почти год. За это время история с отзывом калмыков с фронта почти забылась. Но все же армейская бюрократия выполняла свои функции и в апреле 1945 г. Амукова отправили в Широκлаг. Удивительно, как в биографии этого красноармейца мы видим спокойное решение не повиноваться приказам, а принять решение в своих интересах. Может быть, этому способствовала дата — 9 мая. Война закончилась: *«бери шинель — иди домой»*. Избежавший Широκлага и фактически статуса заключенного, Амуков считал статус спецпереселенца большим оскорблением.

«Мы дошли до Кенигсберга. Здесь меня вызвали и отправили в тыл. Точно 9 мая я оказался у ворот Широкага. На мое счастье, встретились земляки, которые предупредили, что собой представляет их лагерь. Они же подсказали, где надо искать родственников. К лагерному начальству я не пошел, а отправился на поиски семьи. И вот так я оказался в совхозе № 4 Ульяновского района Омской области. В комендатуре взяли на спецучет и по непонятной мне причине стали называть спецпереселенцем. Большого оскорбления для меня, прошедшего войну, не могло быть» (Т. Амуков) [Годаев 1999: 97].

Побег на фронт как протест в 1944 г. был единственным и очень рискованным способом ухода от лагерной жизни Широкага, потому что человек, чье «документальное Я» классифицировалось как вражеское, перековке не подлежал [Фицпатрик 2011: 12]. В случае удачного побега нужно было иметь легенду про иную национальность: стигматизированная этничность сама по себе была обвинением.

Повезло тем фронтовикам, кому помогли их боевые командиры. Так,

«Бориса Бадаева, командира роты строителей Широковской ГЭС, вызволил из Широкага его бывший командир Герой Советского Союза майор Кузнашвили и не без его помощи Борис Бадаев служил в авиационных частях до 1947 г.» (Я.С. Джамбинов) [Широкстрой 1994: 50].

«Мукубен Араев... в один из зимних дней 1944 г. вместе с группой бывших фронтовиков расчищал железнодорожные пути на одной из станций. И в этот день тут сделал кратковременную остановку воинский эшелон, следовавший на фронт с военным грузом, пушками и танками. Мукубен Араев в группе сопровождения эшелона увидел своего фронтового командира. Офицер, узнав своего бывшего солдата, крикнул:

— *Что тут делаешь, Михаил? Какими судьбами оказался здесь?*

— *Объяснять долго. Забери меня, командир, с собой. Хочу воевать, обо всем потом расскажу, — сказал Араев. Выслушав Мукубена, офицер сказал:*

— *Бросай все к чертовой матери! Давай залезай к нам в вагон — беру тебя с собой!» (Я.С. Джамбинов) [Широкстрой 1994: 50].*

Другой удачливый беглец В.И. Мишеев мобилизовал свой партизанский опыт:

«Я решил, что мне остается только одно — убежать... Там, где я работал, вокруг было болото, бежать можно было только по мостику, шагнешь в сторону, утонешь по самую шею и никто тебя не спасет. Вечером туда приходил маленький паровоз «кукушка», на котором привозили продукты. Прибывал он в 10 час. вечера и через 30 минут отправлялся. Везде стояла охрана. Уехать можно

было только на этой «кукушке». Я залез в паровозный тендер и так приехал на станцию Половинка. Дальше, этот паровоз не шел. На пассажирском поезде мне нельзя было ехать — сразу бы поймали. Поэтому я опять залез в ящик с углем, зарылся в него, только голову оставил снаружи.

Так ехал целую ночь, утром встал, весь черный, сам, как уголь. Кое-как шинель и шапку снегом почистил и пошел на станцию, где меня сразу и поймали. Увидев меня, двое парней со словами: «Калмык убегает!» схватили меня и повели в комендатуру. Там я просидел пять суток. Через каждые два-три часа проводился допрос. Спрашивали об одном и том же. То, что говорил, я снова повторял, как будто проверяли правильность моих слов. А я болтал всякую чепуху, путал их. Так, за пять суток они ничего не смогли от меня добиться. На шестые сутки я не выдержал и сказал: «Дайте хотя бы воды напиться», так как воды мне не давали, водили только в туалет. Во рту пересохло, сил уже не было даже говорить.

В этот же день пришли несколько человек в военной форме, среди них был генерал. Меня привели к ним и попросили раздеться догола. Я разделся, и генерал приказал подойти к нему ближе. Я тогда был молод, еще не истощен и неплохо выглядел. Генерал посмотрел-посмотрел на меня и сказал: «Калмыки — все доходяги. А этот — не калмык, вы ошиблись, он бурят-монгол. Отправьте его на фронт, там разберутся»... Победу я встретил в Берлине» (В.И. Мишеев) [Ширострой 1994: 70–71].

Пожалуй, самым известным стал побег на фронт Т. Лиджи-Горяева, А. Альчинова и Б. Михайлова.

«Постепенно я подружился с Андреем Альчиновым. Но сначала довольно долго мы прощупывали друг друга и, наконец, открылись: надо бежать на фронт! Андрей сказал, что у него есть один верный товарищ, ему можно довериться. Это оказался Бембя Михайлов. Он был моложе меня и еще моложе Андрея. Порешили: надо готовиться к побегу, накапливать тайком продукты, деньги, хлеб, сахар, постное масло — чтобы не очень громоздко, но калорийно. Раздобыли мы какую-то изрядно потрепанную школьную карту, точнее атлас — без него не могло быть и речи о побеге. Это была бы верная гибель, ибо места для нас были совершенно незнакомые, лесные, а мы — степняки и поначалу просто терялись в лесу. Кроме того, решили, если побег удастся, то надо обязательно изменить национальность, потому как в противном случае нас не просто выдворят с фронта, а отправят в трибунал — за дезертирство с трудового фронта. Одним словом, план побега мы разработали во всех деталях. И в дальнейшем действовали в полном соответствии с ним,

в том числе и национальность каждый изменил в своей красноармейской книжке. Альчинов раздобыл где-то красноармейскую книжку на имя казаха, кажется, Даскалиева.

В один из выходных дней, когда нас отпустили на базар на станцию Половинка, мы не вернулись в лагерь и двинулись на юг, в сторону Молотова. Шли лесом по течению реки Косьвы; продукты экономили максимально. Когда все припасы съели, продали сначала шинели, затем — все остальное, вплоть до запасных портянок. Наконец, вышли на Каму в районе впадения в нее реки Чусовой. И здесь впервые за столько дней сели на пристани на пароход и двинулись в сторону Молотова.

В пригороде Молотова сели на местный поезд и стали подсаживаться ненадолго на все попутные товарные поезда, стараясь не попасться на глаза сопровождающим. Затем также тайком шли до Ярославля около десяти суток. Ночевали, где придется: под деревом в лесу, в стогу, в пустующих сараях. Добрались до Шуи, так, кажется, назывался этот городок. И тут средства наши иссякли полностью, и мы решили: будь что будет, обратимся в комендатуру. Обратились, рассказали заготовленную заранее легенду: наш состав шел на фронт, а мы, сойдя на одной из станций купить продукты, отстали и теперь никак не можем догнать свой состав, а в нем — все наше имущество. Нам поверили, хотя и отругали за ротозейство, но поверили! И это было главное. И даже мысли у них не возникало, что мы — дезертиры! Те бегут с фронта, а мы — на фронт! Более того, нас накормили, выдали сухой паек на сутки и с сопровождающими отправили на пересыльный пункт в Ярославль. Мы снова повторили свою легенду. Она и здесь работала, в том числе и наши документы. В соответствии с нашими армейскими специальностями нас распределили в различные запасные части... Я настойчиво добивался отправки на фронт. И вот свершилось! Я был направлен радистом во взвод связи третьего батальона воздушно-десантной бригады. Это было в июле 44-го, и до конца войны я прошел в рядах этой бригады. Закончил войну в Чехословакии 11 мая 1945 г. на реке Влтава. За время службы меня наградили орденами Красного Знамени и Славы 3 степени, двумя медалями. После войны продолжал служить в военной комендатуре Будапешта помощником командира взвода. В мае 1946 г. уволили в запас» (Т. Лиджи-Горяев) [Мы — из высланных навечно 2003: 149–150].

Язык травмы. Строительство Широковской ГЭС было одной из строек внутренней колонизации, где с применением ручного труда, с нуля должна была быть построена современная плотина и ГЭС. Од-

нако вся техника была мобилизована на нужды фронта и поэтому использовались восполнимые человеческие ресурсы. Не было тягловой силы и вместо лошадей широкоκлаговцы впрягались и тащили груз своей человеческой силой. Киркой и ломом надо было долбить горный грунт. Этот рабский труд (подчеркнуто мной. — Э.-Б. Г.) наряду с унижением и экзистенциальным дискомфортом оставался в памяти выживших долгим травматическим переживанием. А травматическая память облекается в особые слова, использует свои приемы, среди которых самый распространенный — сравнение своего статуса с животным статусом, а людей той эпохи — с рабочей скотиной. Рассказывая о Широκлаге, многие использовали лексику, связанную с животными (скотский вагон, телячий вагон) или упоминания насекомых (вши и клопы) и нечистот — как часть скотской жизни.

Грамматика и прагматика языка травмы явно проявляются в нарративах о Широκлаге. Отсутствие субъектности, невозможность самому принимать важные решения, и жизнь, в которой человек становится орудием исполнения чужих решений, проявляется в построении фраз. Самая характерная черта здесь — использование пассивных грамматических конструкций в страдательном залоге и в неопределенно-личной форме.

«1944 жилин моһа сарин 28-д мадниг, хальмгудиг, оһн-зүсн һазрас, воинск частьсэс цуглулад, станц Половинкд вагоһар авч ирв» (Мугаш Аран). *«28 апреля 1944 г. нас, калмыков из разных мест и воинских частей собрали и вагонами привезли на станцию Половинка»* (перевод мой. — Э.-Б. Г.) [Широкстрой 1994: 18].

<i>Дөһн дөрвдгч жил</i>	<i>В сорок четвертом году</i>
<i>Дегдрүләд мадниг көөлэ.</i>	<i>нас гнали, заставляя трястись.</i>
<i>Дөһнэс даву киһитнднь</i>	<i>На сорокоградусном морозе и ниже</i>
<i>Десрлжэ мадниг көдлгэ.</i>	<i>гнали нас строем.</i>

Н. Уджаев «Половинка» [Широкстрой 1994: 166]

Вместо подлежащего «Мы» всюду фигурирует «Нас». Подлежащее «Заклученные» находятся в пассивном страдательном залоге. Они — подлежащие действию внешней силы. Но что эта за безымянная сила, которая всегда хочет добра, но присутствует во множественном числе? Похоже, что не называют вслух только самые могущественные имена. В данном случае — это мощная сила государства, сила множественная.

Лексика травмы — важная составляющая языка травмы, один из каналов, которым травма заявляет о себе. Рассмотрим в качестве примеров заголовки тех рассказов, которые собраны в сборнике Р.В. Неяченко и С.Э. Лиджи-Горяевой. Практически все рассказчики подчеркивали значимость памяти о широкоκлаговском опыте в его жизни. Например, «Сибирь я буду помнить вечно» (С.М. Бамбышев), «Широ-

клад навечно в моей памяти» (Б.Б. Алькин), «Широковск лагерьт үзсн, эдлсн зовлц ухан-седклягяс ода чигн нархш» («Пережитые в Широковск лагере невзгоды до сих пор в моей памяти») (М.Э.-Г. Эрдни-Гаряев) [Широкстрой 1994: Оглавление]. Лексика смерти: «Широклаг — смерти порог» (А.Б. Бадмаев), «Воскрес их мертвых» (Н.Б. Шарапов), «Двум смертям не бывать» (Ц.Х. Бамбышев) перемежается с лексикой преступления и наказания: «Оставил отпечатки пальцев» (Г.Б. Бембинов), «Я был арестованным» (О.Х. Уманджинов), «Год в неволе» (Ц.Б. Эрдниев). Многие заголовки являются иллюстрациями мысли Варлама Шаламова, что *«лагерь — отрицательная школа жизни целиком и полностью»* [Шаламов 2009: 4], например: «Пропавшая молодость» (Е.Л. Тагаева), «Ту жизнь старалась забыть» (Д.Д. Джумалинова), «Дорога горькой судьбы» (В.Б. Номинханов).

Травмирующие сюжеты. Травматическая память отбирает и хранит самые болезненные сюжеты. Один из них — сюжет о лошади, которая сама без возницы перевозила трупы.

«Тяжелая работа. Три месяца — и уже новые люди таскали. Я молился... чтобы не заболеть. Как заболеешь... Там больницас яхла, специальная мөрнь, у нее условный рефлекс. Күн уга. Сама лошадь приезжает, становится, на нее грузят өңгрсн улсыг и она вывозит к яме, а там выкидывают в яму и все. Притом совсем голыми. Потому что хувцыг снимали, стирали и обратно надо ж» [ПМА: А.Б. Тепшинов].

Человека всегда интересуют умные животные, а в данном случае лошадь управлялась сама, без возницы, выполняя работу, запрограммированную человеком. Но в данном случае не было специальной дрессировки, вместо нее была долгая практика: одна остановка у морга, другая остановка у могильной ямы. Этот бесконечный шаттл, курсирующий по зловещему маршруту, наводил ужас автоматизмом, исправной регулярной работой. Эффект усиливал и язык травмы, который активно использует лексику смерти: морг, покойник, трупы.

Рассказ об активировании ослабленных людей встречается практически в каждом нарративе о Широковске. Если предыдущий сюжет характерен для памяти одного человека, то такой сюжет, как медосмотр, универсален для всех ширококовцев. Он так травматичен, потому что по существу каждый осмотр был селекцией, практически Страшным судом. От того, какой разряд человеку присвоит комиссия: на тяжелый труд или облегченный, или освободят на неделю, зависела жизнь человека. Это был вопрос о шансах ширококовца выжить.

Медицинский осмотр был регулярной процедурой освидетельствования состояния здоровья заключенных и обычно проводился раз в месяц. В июле 1942 г. руководство ГУЛАГа разослало в лагеря директиву,

в соответствии с которой их начальники были обязаны проводить с помощью врачебно-трудовых комиссий ежемесячные осмотры заключенных для определения степени их трудоспособности. В зависимости от физического состояния были установлены четыре категории трудоспособности: к первой относились люди, пригодные для любых физических работ, ко второй — только для работ средней тяжести, к третьей — те, кто подлежал освобождению от работы или использованию только на легких внутрилагерных работах. Те, кто попадал в четвертую группу, направлялись в больницу или оздоровительную команду и занимались стиркой, глажением, дезинфекцией, помогали на кухне, топили печь [Като 1992: 59].

Эти категории устанавливались с помощью так называемого неприличного жеста врача или медсестры, которые определяли, осталась ли еще на ягодичках плоть, и устанавливали тех, кто уже мог считаться дистрофиками [Карнер 2002: 103]. В чем же заключался неприличный жест? Процедура медицинской проверки на трудоспособность состояла в том, что врач оттягивал кожу на ягодичке пленного, определяя отсутствие/наличие подкожного жирового слоя. Если кожа висела, человека направляли на более легкую работу [Гучинова 2016: 168]. Этот осмотр людей напоминал работнику заготовительной организации осмотр животных (Т.К. Мухлаев) [Широкстрой 1994: 80].

«В ноябре–декабре 1944 г., когда началась массовая гибель людей от тяжелого труда, голода и холода, нас стала активировать специальная медицинская комиссия. До сих пор с ужасом вспоминаю это страшное зрелище... Раздевались догола. Врачей мало интересовали торчащие ребра, голова с ярко выраженными контурами черепа. Врачи осматривали несчастных, в первую очередь, сзади — насколько отчетливо был виден рудимент — копчик. У сильно истощенного человека он торчал хвостиком величиной с мизинец ребенка» (Ц.Х. Бамбышев) [Широкстрой 1994: 32].

«В лагере каждую неделю работала комиссия, в состав которой входили врач, медсестра, руководители Широклага. Члены комиссии в основном осматривали, ощупывали мышцы, ягодички. В некоторых случаях делали уколы в ягодичку. Если кровь появлялась, значит, трудоспособен, если же крови не было, то отправляли в Сибирь, к родственникам» (В.И. Мишеев) [Широкстрой 1994: 70].

Широклаговцы эту процедуру описывали особым словом: «мадниг списать кев» (нас списали) [ПМА: Н.У. Убушиев] или «актирование — это «списание» тяжелобольных» [ПМА: А.Б. Тепшинов]. Слово «списать» непереводимо на калмыцкий язык в этом контексте. В русском языке среди его значений есть и такие: расстрелять, уволить, но здесь оно употреблено в значении «убрать за ненадобностью».

Оговорки и ошибки в рассказах о Широκлаге также симптоматичны. Один из широкоκлаговцев несколько раз повторил, как бы причитая: *«Если бы Хрущев не репрессировал бы...»*. Для рассказчика и Сталин, и Хрущев олицетворяют государство и становятся двумя ликами Януса. Но мысль о репрессированности народа так вошла в сознание его представителей, что отразилась в спонтанной речи: правитель выселявший и правитель возвративший суть одно и то же.

Для И.М. Соваева осталось неясным следующее: *«Больше всего меня мучает вопрос: почему нами командовали пленные немцы и поляки? ... Я только одного не пойму, почему чужие люди — поляки, немцы, нас избивали? И тронуть его нельзя, убьют»* [ПМА: И.М. Соваев]. Поляки и немцы в Широκлаге не были военнопленными, это были советские граждане, которых также на основе национальной принадлежности депортировали на Урал в начале 1942 г. Именно немцы строили Широκлаг и бараки, в которые в 1944 г. привезли калмыков. Но в то же время они являлись представителями больших народов, у которых были свои независимые государства, и у этих стран сложились недружественные отношения с СССР, и рассказчик не может понять, почему калмыки-красноармейцы, которые не были в плену и не совершали правонарушений, оказались в лагере в статусе ниже, чем немцы и поляки.

Абсурд государственных решений порождает абсурд в голове широкоκлаговца. *«Про тех, кто пошел к немцам служить, знал маршал Баграмян. Он, если кого из таких встречал, застреливал лично, без всяких расспросов»* [ПМА: И.М. Соваев]. Эта фраза — отражение представлений о всемогуществе высшего руководства, особенно представителей высшей военной касты и особенно лиц кавказского происхождения. В этой фразе характерно даже не то, что руководство знает всё и всех, а будничное отношение к внесудебной расправе высшего начальства. Если целые народы могли выслать без всякой вины, как и без суда и следствия, то уж предателей родины точно должны были бы расстреливать при первой возможности.

Но не стоит думать, что широкоκлаговцы всегда были жертвами. Они жили во время жестокой войны, в мире насилия, и насилие входило в их представление о жизни и о войне, у которой своя этика, и согласно ее военной версии мародерство оправданно. Так, один наш собеседник отобрал много часов у японцев, которые были заключенными соседнего лагеря. А потом у него их отобрал калмык-комендант, который играл в карты. Перед нами сложилась вертикаль мародерства: часы кочуют от тех, кто слабее, к тем, кто сильнее. Интересно, кому в итоге они достались?

Некоторые калмыки принимали участие в операции по депортации чеченцев и ингушей «Чечевица». У них был приказ стрелять на поражение без предупреждения по всем, кто будет пытаться бежать.

По тому, как наш рассказчик несколько раз возвращался к приказу о стрельбе на поражение, можно увидеть драму маленького человека в солдатской шинели. Ведь солдаты приказы не обсуждают: если есть приказ на поражение, то ему надо стрелять в мирное население. Снова встречаемся с образами доброго и злого солдата, которые присутствуют в каждом нарративе о депортации калмыков. А как вели себя калмыцкие солдаты при выселении вайнахов? Все ли остались в памяти чеченцев как добрые?

Изучая не только, что именно говорят наши старики, но и как именно они говорят, мы узнаем больше о том времени, в котором им довелось жить и выжить. Вопрос о памяти — в какой степени современному калмыцкому обществу интересны трагические страницы истории народа в XX в. и в каком объеме — отражается в дискуссии: нужна ли Элисте улица Широκлаговская? Во время конференции прозвучало мнение, что не нужно так мрачно называть место, в котором будут люди жить. Эта позиция противостоит другой: название улицы будет напоминанием следующим поколениям, именно сохранение памяти о лагере в повседневной жизни и есть гарантия сохранения памяти. В Элисте есть улицы Омская, Новосибирская и Алтайская — в память о годах депортации и в благодарность жителям этих регионов, которые поддерживали калмыков в трудное время. Здесь память несет в себе не только напоминание об исторической несправедливости, но и позитивное чувство благодарности сибирякам, которое становится основанием для примирения с прошлым.

В истории Широκлага не находится места для благодарности потомков, память о «преданных солдатах Широκлага» (так назван документальный фильм А.Б. Санджиева) [Преданные солдаты... 2014] — это память об унижении калмыков-трудоармейцев родным государством, вызывающая чувство сострадания и горечь. Может быть, в этом и кроется причина того, что история Широκлага сохраняется в социальной памяти группы причастных — родственников и потомков заключенных. Как напоминание Б. Андерсон, не только память нужна для создания нации, но необходимо и забвение, особенно тех эпизодов истории, которые угрожают целостной идентичности нации [Андерсен 2001: 216–217]. Поставить событие в пространство забвения не значит вычеркнуть из памяти, но отвести ему свое место в историческом процессе.

Однако история Широκлага недостаточно изучена и еще ждет исследователей ввиду своей важности для истории калмыцкого народа.

Источники

Годаев П.О. Боль памяти. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 351 с.

Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / Сост. и ред. П.О. Годаев. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 464 с.

Полевые материалы автора (ПМА). Информант Ч.Н. Бериков, 1974 г. рождения, личная переписка 2019 г.

ПМА. Информант Л.Т. Дорджиев, 1922 г. рождения, запись 2004 г. (г. Элиста).

ПМА. Информант И.М. Соваев, 1925 г. рождения, запись 2019 г. (с. Троицкое).

ПМА. Информант А.Б. Тепшинов, 1925 г. рождения, запись 2019 г. (г. Элиста).

ПМА. Информант Н.У. Убушиев, 1926 г. рождения, запись 2019 г. (с. Троицкое).

Преданные солдаты Широкалга. Док. фильм. Автор А. Санджиев. 2014 г.

Страницы печали. Широкалга. Ч. 1–2. Передача Калмыцкого ТВ. Автор И. Мукабенова. 2000 г.

Широкстрой: Широкалга: Сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС / сост. и вступ. ст. Р.В. Неяченко. Элиста: Джангар, 1994 (Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3. Кн. 2). 190 с.

Литература

Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 286 с.

Воронина Т. Помнить по-нашему. Соцреалистический историзм и блокада Ленинграда. М.: НЛЮ, 2018. 272 с.

Гучинова Э.-Б. Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР. Саппоро: SRC, университет Хоккайдо, 2016. 220 с.

Дебор Ги. Общество спектакля / Пер. с фр. М.: Логос, 1999. 224 с.

Карнер С. Архипелаг ГУЛАГ и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956. М.: РГГУ, 2002. 304 с.

Като К. Сибирь в сердце японца. Новосибирск: Наука, 1992. 132 с.

Лё Кэн Л. Этнографическое исследование в тюрьме. От «роли» заключенного к поискам идентичности осужденного // Социальная антропология во Франции. XXI в. / Под ред. Е. Филипповой и Б. Петрика. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 214–237.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX в. М.: РОССПЭН. 2011. 375 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 476 с.

Шаламов В. Колымские рассказы. М.: Эксмо, 2009. 958 с.

Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. 9th ed. Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1978. 336 p.

Takezawa Ya. Breaking the Silence. Redress and Japanese American Ethnicity. Ithaca: Cornell University Press, 1995. 233 p.